

ЗЛЮСЯ РОМАНОВА

БЫВШИЕ
(НЕ) ЗНАКОМКА

Истории осени

Злюся Романова

Бывшие. (Не)знакомка

«Автор»

2026

Романова З.

Бывшие. (Не)знакомка / З. Романова — «Автор»,
2026 — (Истории осени)

— Раньше я был совсем другим...— Каким же? — она склонила голову набок, с любопытством изучая его черты, словно пытаюсь разглядеть того юношу, которым он когда-то был.— Восемнадцатилетним мальчишкой, который хотел получить всё и сразу...— Разве не все мы в восемнадцать верим, что мир лежит у наших ног? — в ее голосе прозвучала понимающая грусть, смешанная с нежностью.— Наверное... — он снова надел очки, и его взгляд стал серьезным. — Но именно тогда я потерял самого дорогого человека.— Как такое возможно?— В этой жизни возможно всё...Эта история — о двух одиноких душах, встретившихся в купе ночного поезда. Он — успешный врач, пленник собственных ошибок, двадцать лет бегущий от самого себя. Она — таинственная незнакомка, ставшая на одну ночь единственной слушательницей его исповеди. Он не узнал в ней ту самую...А она узнала бы его из миллиона...ЭМОЦИОНАЛЬНОХЭ

© Романова З., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	9
Глава 4	10
Глава 5	12
Глава 6	13
Глава 7	14
Глава 8	15
Глава 9	16
Глава 10	17
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Злюся Романова

Бывшие. (Не)знакомка

Глава 1

Настоящее время

За окном двухэтажного поезда "Москва-Казань" медленно угасал осенний день, растворяясь в золотисто-багряных сумерках. В вагоне с сидячими местами пахло кофе и чем-то неуловимо ностальгическим, а мерный стук колес отбивал ритм, похожий на биение одинокого сердца.

Когда он вошел — высокий брюнет с задумчивым взглядом из-под очков, — воздух словно сгустился, наполнившись тихим ожиданием. Их глаза встретились случайно, когда она оторвалась от книги, и что-то щемяще-знакомое кольнуло ее в груди.

— Добрый вечер, — произнес он.

— Добрый вечер, — ответила она, и в тишине между их словами повисло невысказанное «наконец-то».

Они сидели друг напротив друга, украдкой изучая черты незнакомца, будто пытаясь прочитать судьбу, написанную невидимыми чернилами. Он размышлял: «Кто она? Эта женщина с мудрыми глазами, в которых плещется тихая грусть...». Она задавалась вопросом: «Что скрывается за его спокойным взглядом? Какие раны хранит его душа?»

Вежливый разговор постепенно перетекал в нечто большее, словно осенняя река, неспешно несущая свои воды к неизвестному устью. Они говорили о путешествиях, которые изменили их жизнь, о книгах, оставивших вечный след в душе.

Она осторожно рассказала о взрослом сыне, в голосе ее прозвучала смесь гордости и легкой тоски по уходящему времени. Он — о втором разводе, случившемся несколько лет назад, и в его словах чувствовалась усталость от начинаний, которые так и не стали счастливыми.

Делились историями из жизни: ее работа в поликлинике, его кандидатская диссертация... Каждое слово сближало их, как будто они собирали рассыпанные частички мозаики своих судеб, пытаясь сложить из них новый рисунок.

— Знаете, мне кажется, будто мы знакомы всю жизнь, — сказал он проникновенно, и в его глазах вспыхнула искра чего-то давно забытого.

— Разве такое возможно? — в ее глазах плескалась загадочная глубина, а сердце забилося чаще, словно отозвавшись на какую-то древнюю мелодию.

— Я думаю, да... И знаете... Вы удивительно напоминаете мне одного человека.

— И кого же?

— Это... грустная история.

— А я обожаю грустные истории, — ее губы тронула едва заметная улыбка, в которой читалось понимание и принятие. — Тем более, что нам некуда спешить. Впереди у нас еще десять часов до того, как мы приедем в Казань. Десять часов, которые могут изменить всё.

Мужчина улыбнулся в ответ, снял очки и устало потер переносицу, в которых на мгновение мелькнула тень давней, незаживающей боли.

— Раньше я был совсем другим...

— Каким же? — она склонила голову набок, с любопытством изучая его черты, словно пытаясь разглядеть того юношу, которым он когда-то был.

— Восемнадцатилетним мальчишкой, который хотел получить всё и сразу...

— Разве не все мы в восемнадцать верим, что мир лежит у наших ног? — в ее голосе прозвучала понимающая грусть, смешанная с нежностью.

— Наверное... — он снова надел очки, и его взгляд стал серьезным. — Но именно тогда я потерял самого дорогого человека.

— Как такое возможно?

— В этой жизни возможно всё...

Он умолк, глядя в темное окно, где в отражении смешивались их силуэты — двое незнакомцев, чьи судьбы неожиданно переплелись в ритме ночного экспресса. За окном мелькали огни неизвестных городов, похожие на потерянные звезды, а в вагоне рождалась новая история — тихая, как осенний дождь, и глубокая, как ночное небо, полная недосказанности и надежды на то, что даже самая грустная мелодия может обрести счастливый аккорд.

Глава 2

20 лет назад

Университетские коридоры были моей личной вотчиной, а я — их неоспоримым властелином. Рома Волков. Волчара, как окрестили меня однокурсники. Высокий, подтянутый брюнет с таким пронзительно-зеленым взглядом, что девчонки курса буквально теряли дар речи при моем появлении.

Каждый мой шаг отбивал ритм будущего великого хирурга — уверенный, безмятежный, полный юношеского задора. В те дни мир лежал у моих ног, растянувшись в сияющей улыбке всеобщего обожания.

«Здорово, Волчара! Как жизнь?» — доносилось со всех сторон. Я лишь лениво ухмылялся в ответ, рассекая коридор уверенной походкой — король в своём королевстве. И тут в толпе мелькнула знакомая фигурка...

Наташка.

Ее хрупкая фигурка едва доставала мне до плеча, а в нелепом бабушкином свитере и мешковатых штанах она и вовсе казалась потерявшимся ребенком. Она стояла около окна, уткнув свой конопатый нос в конспект.

— Опять в гардеробе у бабушки покопалась? — подкрался я сзади и легонько дернул ее за резинку конского хвоста.

Мы знали друг друга с пеленок — одна Казань, один дом, а наши квартиры располагались напротив. Мы были не разлей вода, как братаны. Если мне взбредет в голову совершить очередную дичь, Наташка всегда рядом — страхует. Правда, предварительно назвав дураком и пообещав переломать ноги. Но страхует! С детства за нами тянулось это дурацкое: «Тили-тили тесто, жених и невеста». А мы потом эти «тили-тили» вместе оттирали в подъезде.

— Слушай, а может, правда поженимся? — не унимался я, пока мы скребли стену. — Я буду знаменитым хирургом, а ты... Ну, реализуешь свою мечту о педиатрии.

— Только через мой труп, — фыркнула она. — За таких, как ты, не выходят замуж.

— О как... А это почему?

— Парень ты ненадежный... Бабник, одним словом. С тобой дружить — одно, а замуж — это на шею петлю надевать.

Она так и не оторвалась от конспекта, продолжая что-то бубнить себе под нос, периодически поправляя очки в толстой роговой оправе и не обращая на меня никакого внимания.

— Опять про детские сопли учишь? — хлопнул по плечу, чувствуя под ладонью костлявую лопатку. — Брось, пойдем кофе пить! Пирожок куплю. А то костлявая, как щепка.

— Ром, у меня через час зачет! — она надула щеки, отчего стала похожа на сердитого хомячка. — Отстань!

Но я продолжал дурачиться, щекоча ее тощие бока, пока она не подняла на меня взгляд. И вместо злости ее лицо озарилось улыбкой во все тридцать два брекета.

— Ну чего прицепился? — стукнула меня кулачком по плечу.

— Дай хоть я прицеплюсь, — не сдавался я. — Слушай, Натаха, ты давай наконец своим образом займись... А то мужа тебе не видать, как своих ушей. Придется мне на тебе жениться.

— У тебя инстинкт самосохранения отсох, что ли?

— Отсох, — продолжал я, щекоча ее.

— Ромка, отстань! — смеялась она, пытаясь увернуться. — И хватит надо мной глумиться... одеваюсь как хочу!

— Да я просто восхищаюсь твоим... уникальным стилем!

— Восхищайся как-нибудь подальше от меня.

— А я хочу поближе, — подмигнул я. — Пусть думают, что ты моя девушка.

— Пффф, с такими, как ты, нормальные девушки не связываются. Слишком ты ненадежный!

— Зато красиво ухаживаю!

— Ухаживаешь? — она подняла брови. — В прошлый раз ты девушке полтора часа про строение печени рассказывал. Это у тебя ухаживания считаются?

— Надо же с чего-то начинать! А печень — очень важный орган...

— Она там не уснула?

— Нет, я нашел нужные места...

— Фууу! Только без пошлых подробностей!

— А что так... Синий чулок!

— Сам ты чулок! — она ударила меня тетрадкой по носу. — Ладно, веди и угощай своим кофе с пирожком, — смилостивилась она наконец.

В такие моменты я ловил себя на мысли: а почему бы нам не... По сути, мы ведь идеальная пара! Знаем друг друга с пеленок, понимаем с полуслова, да она знает все мои достоинства и недостатки лучше, чем я сам. Ее смех был мне роднее любой музыки, а ее поддержка — надежнее любого тыла. Но внутри... внутри ничего не зажигалось. Не щемило сердце при виде ее улыбки, не перехватывало дыхание от случайного прикосновения. Она была как воробушек — хотелось защитить, согреть, укрыть от всех жизненных бурь, но не более.

И если бы кто-то тогда сказал мне, что я стану тем, кто не защитит ее, а обидит... Тем, кто причинит ей боль вместо того, чтобы оградить от нее... Я бы рассмеялся тому пророку в лицо. Как можно обидеть Наташку? Эту девочку с добрыми глазами и верным сердцем? Невозможно.

Глава 3

Настоящее время

Поезд мерно покачивался, отбивая такт колес, словно колыбельную для уснувших пассажиров. В вагоне царил приятный полумрак, где тени танцевали в такт движению, а легкое посапывание соседей создавало уютную симфонию ночи. Среди этого всеобщего сна лишь они двое бодрствовали, словно два одиноких огонька в ночи.

Они пили чай из ее термоса. Напиток был ароматным, с тонкими нотами лесных трав и сладковатым послевкусием ягод.

— Очень вкусно, — тихо произнес он, ощущая, как тепло разливается по телу.

— Рада, что вам нравится. А вы что обычно пьете?

— Признаться, я не люблю чай. Привык к кофе. Он бодрит, не дает уснуть...

— А я наоборот — не люблю кофе, — ее голос прозвучал задумчиво. — Пила его раньше... чтобы быть ближе к одному человеку.

Он покачал головой, и в полумраке его глаза блеснули с непонятной грустью.

— Странная вы. Почему не сказали ему, что не любите кофе?

— Ничего странного. Я любила его... сильно любила. И была готова делить с ним все — и радость, и горе, и эту горькую гущу на дне чашки.

— А он знал об этом?

— Думаю, догадывался. Но делал вид, что не видит моих смущающихся щек, влюбленных глаз... Ему было это удобно.

— Может, вы ошибались? Стоило признаться ему прямо.

— Я так и сделала.

— И что же?

— Ничего... Он решил, что это шутка.

Ее глаза покрыла поволока печали, но она тут же улыбнулась:

— Но это было так давно...

— Давно, но вы помните.

— Первую любовь... Ее всегда помнишь. Даже когда хочешь забыть.

В тишине вагона его голос прозвучал особенно мягко:

— Вы однолюбка...

— Скорее да, чем нет, — она опустила глаза, играя с кружкой в руках. — Но хватит обо мне. Что было дальше? Кстати, я правильно поняла, вашу подругу звали Наташа?

Он замер на мгновение, глядя в темное окно, где мелькали отражения их лиц.

— Верно, — тихо ответил он. — Наташа Лебедева.

Глава 4

20 лет назад

Если бы не Наташка, мои блестящие перспективы в области медицины давно бы пошли под откос. Мой мозг, способный с ходу запомнить всю таблицу Менделеева, наотрез отказывался удерживать даты семинаров и зачетов. Я пропадаю на бесконечных свиданиях, а потом в панике звонил ей за полчаса до пары.

— Натаха, родная, спасай! Я вообще не открывал учебник по биохимии!

— Волков... Я тебе в прошлый раз говорила — учи конспект! Я тебе не репетитор!

— Я знаю, ты мой спасательный круг! Пирожком откуплюсь, двумя!

А потом я бежал в сторону библиотеки, где любила проводить время Наташа.

— Читай давай, тоже мне будущее светило... — суя под нос исписанные листы бубнила она.

— Ну не ворчи, тебе не идет...

— А тебе идет? Ты из-за своих бесконечных шашней скоро отчислен будешь!

— Не буду. Я возьмусь за голову.

— Ты уж постарайся, а то вроде не март, а у тебя одни шуры-муры на уме.

— Натаха, мне надо... У меня организм требует. Это тебе кроме учебы ничего не нужно. Она вся смешно побагровела и запыхтела как паровоз. На этот случай у меня всегда с собой были ее любимые конфеты — шоколадные с лимонной начинкой. Дрянь редкостная, но помогала. Только она открыла рот, чтобы начать меня воспитывать, а я ей — бац конфету в рот, и все счастливы.

На зачетах я ловил ее взгляд и незаметно подсовывал свой пустой бланк, а она, кидая в меня возмущенные взгляды-стрелы, исподтишка заполняла его своим аккуратным почерком.

Но однажды случилось нечто, с чем не могла справиться даже Наташа. Я влюбился. В ту, что смотрела сквозь меня. Оля. Старшекурсница, высокая, стройная, с холодными глазами и независимой походкой. Она была глотком ледяной воды в моем мире всеобщего обожания. И я, привыкший, что все падает к моим ногам, вдруг сам превратился в преследующую тень.

Я забросил тусовки, устроился на подработку курьером и тратил все деньги на подарки, которые, как мне казалось, могли ей понравиться.

— Она сказала, что я пустышка, Наташ. Что я ничего из себя не представляю, — я бухнулся на скамейку около общежития и с силой взъерошил волосы.

Наташа сидела рядом, закутанная в свой огромный нелепый шарф, и молча слушала.

— Я же для нее... Работаю, как проклятый! А она...

— Что она?

— Послала меня как щенка. Малолеткой назвала. У нее там какой-то Игорек... Вот найти бы его и вмазать!

— Глупости говоришь.

— Почему?

— Насильно мил не будешь.

— Но я люблю ее... Люблю... Ты чего не понимаешь? — взревел я. — Ты сама хоть кого-нибудь любила? Знаешь, какого это?..

— Любила, — тихо ответила она.

— Врешь! Никого ты не любила, кроме своих учебников!

Я психанул и ушел в общагу. Наташа осталась сидеть на лавочке.

Потом я, конечно, извинился — вспылал, а она-то вообще тут ни при чем. Она слушала мои извинения и не перебивала. Лишь вздыхала и ободряюще хлопала меня по плечу, как

делала это с детства, когда я разбивал коленки. «Все будет хорошо, Ромка, — повторяла она, глядя куда-то в сторону. — Обязательно будет».

Глава 5

Настоящее время

Она укуталась в теплый плед, предложенный проводницей, так что из груди ткани торчал лишь ее вздернутый носик. Ее голос прозвучал приглушенно:

— А вы правда любили Олю?

— Тогда думал, что любил.

— Почему вы так решили?

— Я сходил по ней с ума. Это было похоже на болезнь.

— А она так и отказывала вам?

— Поначалу — да. Но я не сдавался.

— И что же вы сделали?

— Как-то поймал ее в университетском коридоре... Затащил в пустую аудиторию.

— И что же было? — ее глаза расширились.

— Я закрыл дверь на ключ и сказал, что не выпущу, пока она не поцелует меня.

— И... она поцеловала?

— Поцеловала. Словно делая одолжение. Холодный, безразличный поцелуй. Но тогда мне казалось, что это победа.

Он помолчал, глядя в темное окно.

— А что было дальше?

— Через какое-то время мы стали встречаться. Потом сняли квартиру. Я подрабатывал по вечерам, она тоже. Денег хватало.

— А Наташа?..

— Наташа... — он вздохнул. — Мы почти перестали общаться. Виделись только на парах. После лекций я бежал — либо на работу, либо к Оле.

— А потом? Что случилось потом?

— Мы с Олей разругались. Жестоко.

— Из-за чего?

— Я устроил сцену ревности. Подрался, приревновал ее к какому-то парню с ее работы.

Она сказала, что с таким чокнутым иметь дело не намерена.

— И что вы сделали?

— Напился. Как последняя скотина. Сидел в парке на заснеженной лавке. Замерзал...

— Вы там и уснули?

— Почти. Меня вывел из оцепенения звонок. Иначе... да, наверное, уснул бы и замерз.

— И кто... кто вам звонил? Оля?

— Нет. — Он медленно покачал головой. — Мне позвонила Наташа.

В вагоне повисла тишина, нарушаемая лишь стуком колес.

Глава 6

20 лет назад

Я сидел на мокрой лавочке, облепленной пожелтой листвой, и по моим жилам все еще струился тот странный коктейль — адреналин после драки, перемешанный с дешевой водкой. Но хуже всего была пустота. Я не мог поверить, что Оля бросила меня. Сердце бешено колотилось, пытаюсь вырваться из груди, но внутри была лишь ледяная пустота. Я закутался в куртку, пытаюсь согреться, но холод шел изнутри.

Мне бы пойти на съемную квартиру... Но не хотелось туда возвращаться. Я уже заходил туда после ссоры — Оля ушла, забрав все свои вещи. Наша однушка, ради которой я вкалывал, вдруг стала чужой и пугающе пустой.

Я уже почти провалился в тяжелый, пьяный сон, когда из его липких лап меня выдернул звонок. Наташа.

— Привет! — ее голос прозвучал бодро, будто она звонила среди бела дня, а не поздним вечером. — У меня такая новость!..

— Алло... Наташа... — я с трудом выговаривал слова. — Она меня бросила...

— Кто?

— Оля...

— И что, страдаешь или морду кому пошел бить?

— Уже набил... Теперь страдаю...

— Где хоть страдаешь?

— На лавочке... В парке...

— Как бомж?

— Ага... Как последний бомж... — я закрыл глаза. — Приезжай, Наташа... Пожалей...

— Вот же дуралей... Куда ехать-то? Я ж не буду тебя под всеми лавочками в Москве искать!

— На Воробьевых... На нашем месте...

— Ох, горе луковое... — вздохнула она. — Сейчас буду.

Я снова начал проваливаться в сон, когда сквозь дремоту послышался знакомый голос:

— Просыпайся, алкаш!

Я с трудом разлепил глаза. Передо мной стояла она — в куртке и цветастом шарфе.

— Наташа, это ты?..

— А кто ж еще. Давай вставай... Поехали.

— Куда?..

— Как куда? К тебе. Провожу до твоей конуры, так и быть.

— И ничего не конура... Нормальная однушка в Бутово...

— Сейчас и посмотрим, — она протянула руку, чтобы помочь мне подняться.

Глава 7

20 лет назад

Я плыл в каком-то полубреду, пока Наташа вела меня по темному подъезду, поддерживая за талию. Квартира встретила нас ледяной пустотой. Она усадила меня за кухонный стол, заварила крепкого чая с сахаром.

— Пей давай, алкаш, — сказала она, но в голосе не было злости, только усталая нежность. Ее руки легли мне на плечи. — Все наладится, Ромка. Все образуется.

Она гладила мою спину через тонкую ткань рубашки, повторяя эти слова. Ее голос был тихим и таким родным... Я закрыл глаза, позволяя этому голосу и теплу ее рук хоть как-то заткнуть ту зияющую дыру в груди.

Потом она проводила меня в спальню, уложила в холодную постель и накрыла одеялом.

— Спи, — коротко бросила она, собираясь уходить.

— Не уходи, — пробормотал я, хватая ее за руку. — Остайся... не хочу быть один.

Она вздохнула, но осталась, присев на край кровати. А я провалился в тяжелый, бесполезный сон.

Я проснулся среди ночи и почувствовал — рядом лежит маленькая женская фигурка. Сердце мое бешено заколотилось, заливая все тело волной горячей, пьяной надежды.

— Оля... — прошептал я, охваченный слепой, животной радостью. — Ты вернулась...

Я прижался к ней, зарывшись лицом в ее волосы, жадно вдыхая запах. Странно... Она пахла по-другому. Не своими дорогими духами, а чем-то простым, чистым, детским — ромашкой и шиповником. «Странно — подумал я. — Хотя какая разница. — Главное, что она здесь».

В темноте, ведомый пьяным порывом и жгучей потребностью убедиться, что это не сон, я начал раздевать ее. Мои руки, грубые и торопливые, скользили по ее коже, изучая заново каждый сантиметр. Она была такой хрупкой. Я ждал, что она проснется, оттолкнет меня со своим обычным высокомерием, но она лишь тихо вздохнула во сне и обняла меня за шею. Эта покорность, эта тишина — все было не так, но мой разум, затуманенный болью и алкоголем, отказывался это признавать.

Это была не страсть. Это было отчаянное, жадное утверждение жизни, попытка через физическое соединение заглушить душевную боль. Я овладевал ею во тьме, цепляясь за ее тепло как утопающий за соломинку, шепча имя в темноте комнаты. Она была тихой, податливой, и в ее объятиях я наконец нашел забвение, снова провалившись в глубокий, бессознательный сон.

Утро ворвалось в комнату резким солнечным лучом, ударившим прямо в глаза. Голова раскальвалась, тело ныло, а в горле стоял противный привкус вчерашнего. Я медленно открыл глаза, и первое, что я почувствовал, — тепло другого тела в своих объятиях. На губах застыла улыбка облегчения. Оля.

Я повернул голову, чтобы взглянуть на нее, и мир рухнул.

Из-под одеяла, прижавшись ко мне щекой, спала не Оля.

Глава 8

Настоящее время

Она закрыла глаза, будто пытаясь собраться с мыслями, а потом медленно произнесла:

— Наташа...

— Да, — он сглотнул ком в горле. — Я переспал с Наташей. С той самой девчонкой, которую знал с пеленок.

— И вы... жалели?

— Жалел? — он горько усмехнулся. — Еще как... Мало того, что в пьяном угаре принял ее за Олю... Так я еще оказался ее первым. Понимаете...

— Понимаю, — ее голос прозвучал тихо. — И что же вы сделали тогда?

Он на мгновение зажмурился, будто снова видя ту картину, которая была 20 лет назад:

— Я отскочил от нее, как от прокаженной. Она, видимо, почувствовала неладное... натянула одеяло до подбородка. Глаза такие огромные, испуганные...

— И что вы ей сказали?

— Ничего...

— Ничего?

— Абсолютно ничего вразумительного. Я был в таком шоке, что просто пробормотал что-то про то, что мне нужно срочно уйти.

— И вы ушли? Просто взяли и ушли?

— Да, — признался он, чувствуя, как жгучий стыд снова накатывает на него. — Я оделся и ушел.

— А она?

— Она... Мы несколько дней не виделись. Я избегал ее. Избегал ее звонков...

— Она вам звонила, но вы не брали трубку?

— Да. Я не брал трубку, — голос его стал тише. — Не знал, что сказать. Вел себя как последний подлец. Даже занятия прогуливал, лишь бы не встретить ее в университете.

— Но это же было глупо — скрываться вечно невозможно.

— Конечно, глупо! — он с силой провел рукой по лицу. — Я понимал, что придется объясниться рано или поздно. Но мне нужно было время... чтобы прийти в себя и найти нужные слова.

— И вы в итоге объяснились?

— Да, — он тяжело вздохнул. — Но...

— Но что?

— Но все вышло совсем не так, как я планировал.

Глава 9

20 лет назад

Я шел с работы, уткнувшись взглядом под ноги, где в дождевой воде от света фонарей блестела осенняя листва. Был умотан — и физически, и морально. Расставание с Олей, эта роковая близость с Наташей, грызущий стыд и ненависть к самому себе... Я уже подошел к двери подъезда, как вдруг услышал за спиной:

— Рома...

Я медленно обернулся. Напротив, освещенная тусклым светом фонаря, под зонтом стояла Наташа. Бледная, исхудавшая, ее куртка безвольно колыхалась на ветру.

— Привет, — хрипло произнес я.

— Привет, — едва слышно ответила она и сделала шаг навстречу. — Поговорим?

— О чем? — глупо буркнул я.

— А ты думаешь, нам не о чем говорить?

Я на мгновение замялся. — Я... я хотел извиниться...

— Извиниться? — ее брови чуть приподнялись.

— Да. Прости... Я... я думал, что тогда со мной была Оля...

Ее лицо застыло, словно маска.

— Что? — прошептала она, и в этом шепоте была такая боль, что мне захотелось провалиться сквозь землю.

— Я был пьян, не понимал... — я говорил, запинаясь, с трудом подбирая слова.

— Подожди... Но я-то понимала, — перебила она, и ее голос внезапно окреп. — Я понимала, что это ты и... я могла оттолкнуть тебя. Могла остановить, но не захотела. Потому что люблю тебя. Давно люблю.

Эти слова ударили меня словно молния.

— Как... как такое возможно?

— Все возможно, ты же знаешь. Мое сердце выбрало тебя.

— Но ты же знаешь, я люблю Олю... — пробормотал я, чувствуя, как почва уходит из-под ног. — А мы... Мы же друзья... Только друзья...

Она молча подняла на меня глаза. Стекла очков были затянуты влажной пеленой, и сквозь них невозможно было разглядеть ее взгляд.

— Только друзья, — повторила она, и ее голос снова стал пустым и плоским. — Я все понимаю.

— Ты извини, за то, что произошло... и мне нужно идти... Устал как скотина.

— Нужно идти, — безжизненно откликнулась она. — Да, конечно.

— И ты иди... Дождь ведь.

— Да, я пойду... Пока, Ром.

— Пока.

Она развернулась и медленными шагами пошла в сторону метро. А я стоял и смотрел ей вслед, чувствуя, как что-то непоправимое разрывается в груди. Я мог бы догнать ее, обнять, потрепать по волосам, как делал всегда... Но после той ночи все изменилось. В тот день я потерял не только любимую Олю, я потерял еще и верного друга.

Глава 10

Настоящее время

От последних слов она вздрогнула и укуталась в плед еще плотнее.

— Вы поверили в ее любовь к вам?

— Да. Она не из тех, кто бросается словами на ветер.

— И что же вы сделали?

— Продолжал избегать ее. А потом подал документы на перевод в другой медицинский институт.

— Зачем?

— Мне казалось это единственным правильным решением. Если я не буду мелькать перед ее глазами, ее чувства ко мне быстрее пройдут.

— Вы встречали ее после этого?

— Всего один раз.

— Как это было?

— Я снова сошелся с Олей, и мы пошли в кино. Был уже февраль, снега навалило...

— А Наташа?

— Мы случайно столкнулись у кинотеатра. Она с подругами куда-то шла...

— Она вас увидела?

— Да. Увидела. Я помахал ей рукой и подошел.

— Вы что-то сказали ей?

— Спросил, как поживает.

— И что же?

— Она сказала, что ей нужно со мной поговорить. Что есть что-то важное, что нужно сказать лично.

— И вы поговорили?

— Нет... В тот день я был с Олей, было неудобно... А потом...

— Что было потом?

— Потом я просто забыл, увлекшись романом с Олей.

— Так вы так и не встретились с Наташей?

— Нет... Гораздо позже я узнал, что она отчислилась и уехала. Я пытался ее найти, но не смог.

— А зачем вы ее искали?

— Находясь в отношениях с Олей, я настолько погряз в этих чувствах, что совсем забыл о Наташе. А ведь она много значила для меня.

— Может, она уехала в Казань?

— Я был там. Ее мама сказала, что она уехала в Питер к тетке, перевелась туда и скоро выходит замуж.

— Питер... Красивый город.

— Да. Я ездил к ней.

— Ездили — удивленно воскликнула она — Вы видели ее?

— Видел. Она стояла вместе с крепким парнем. Они разговаривали, смеялись. А в руках у нее была коляска.

— Вы подошли к ней?

— Нет, не стал. Не захотел беречь старые раны и смущать перед будущим мужем.

— Вы подумали, что она была со своим будущим мужем?

— Да. Они смотрелись как настоящая семья.

— И что же вы сделали?

— Уехал и летом женился на Оле.

— Вы были счастливы с ней?

— Думаю, что да. Но счастье продлилось недолго... Через год мы разошлись. Потом я встретил Марину.

— Кто это?

— Моя вторая жена.

— Вы до сих пор вместе?

— Нет, мы несколько лет назад развелись.

— Сочувствую.

— Не нужно. Мне одному проще. Наверное, единственная женщина, которая смогла бы быть со мной всю жизнь, — это Наташа. Только я поздно это понял.

— Почему же вы не сделали ничего, чтобы ее вернуть?

— Не хотел портить ей жизнь. За те годы раны должны были затянуться. Скорее всего, ее муж хороший человек и она счастлива с ним.

— А если не счастлива?

— Такого не может быть. Такие, как она, — одна на миллион.

В это время поезд остановился на конечной станции. Он помог ей надеть пальто, и они вышли на перрон. Кругом стояла ноябрьская сырость. Они смотрели друг на друга, как вдруг на них налетела компания мужчин. Как выяснилось через мгновение — школьные друзья Ромы. Начались объятия, смех, и в какой-то момент Рома осознал, что его попутчица исчезла.

Он бросился вдоль перрона, расталкивая людей, но лишь на мгновение мелькнуло вдали ее зеленое пальто и исчезло. Вернувшись к вагону, он увидел проводницу.

— Помогите! Мне нужно знать, кто ехал со мной на соседнем кресле!

— Как вы себе это представляете?

— Послушайте, это вопрос жизни и смерти!

— Прямо так жизни и смерти?

— Да!

— Влюбились, что ли?

Рома лишь кивнул головой.

Проводница вздохнула, открыла терминал и провела пальцем по экрану.

— Так... Ваше место 42... А вот нашла... Наталья Лебедева.

— Лебедева? — его голос дрогнул, будто на плечи ему свалилась вся тяжесть прожитых лет. А после шёпотом — Наташа Лебедева!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.